

Е. А. Иваненко

Смех как текст.

**Что такое смех и можно ли его прочесть
(о работе Ж.-Л. Нанси «Смех. Присутствие»¹)**

Проблема смеха в том, что он не проблемен. Он вообще не знаем, не нужно знать, когда и как применять смех. Смех не находится в нашем ведении — волевые, властные или моральные ограничения контролируют смех только до определенного уровня, и порой сдерживающие волевые усилия делают желание рассмеяться просто невыносимым. *Смех разбивает нас сильнее всего тогда, когда нужно сохранять серьезность*². Есть в смехе что-то настолько интригующее, что невозможно оторваться, прервать смех, и приходится смеяться, пока смешно. Однако сама интрига при этом остается в темноте, так как ослепительный блеск смеха привлекает к себе все внимание. Тогда что же такое смех и каковы его основания? Можно было бы сказать, что онтологические основания смеха туманны, но это было бы смешно.

Действительно, смешно исследовать основания смеха, причем смешным будет не только серьезное исследовательское отношение к смеху. Сам текст исследования будет наполнен смехом, потому что невозможно писать о смехе, не включив его в текст. Именно о смехе, а не о сущности смешного. В этом смех подобен чувству возвышенного — невозможно писать о возвышенном, избегая возвышенного слога. Смех (и возвышенное) требуют присутствия.

У смеха, как и у чувства возвышенного или чувства прекрасного, нет своей предметной области (как, например, сфера предметов науки или сфера предметов морали), смешным может стать все, что угодно. Поэтому смех как союзник

¹ Нанси Ж.-Л. Смех. Присутствие // Комментарии. — 1997. — N 11.

² Кант И. Приложение к «наблюдением над чувствами прекрасного и возвышенного» // Кант И. Собр. соч в 6 т. — М., 1964. — Т. 2. — С. 221.

в исследовании ненадежен — кому нужно смешное исследование, ведь смех *слишком отвлекает*. *Воспоминание о чем-то смешном очень радует нас и не так легко сглаживается, как другие приятные рассказы*³. Однако тема смеха соблазнительна, так как хорошо было бы располагать поддержкой той огромной силы, что скрыта в смехе.

Смех *слишком отвлекает*. Привлекая все внимание к себе. Здесь нет отстраненно рассудочной внимательности. Смеху внимают смеющийся, и нет такого уголка в его существовании, который не был бы заполнен смехом. Чем смех так силен, или к чему в себе привлекает внимание смех? Последуем здесь за Нанси; он считает, что смех презентует *le presence*, присутствие или мое настоящее.

*Возможно ли находиться в присутствии смеха? Обладает ли смех присутствием? То есть сам смех, а не смеющийся, не объект его смеха. Смех всегда взрывается — и теряет себя в своих раскатах. Как только он разразился, он потерян для какого бы то ни было присвоения, для какой бы то ни было презентации. Эта потеря ни смешна, ни печальна; она не серьезна и она не шутлива. Мы всегда чересчур превозносим смех, мы перегружаем его смыслом или бессмыслицей, доводим его до слез или до откровения ничто. Но смех взрывается — смех, который никогда не один, никогда ни некая сущность смеха, ни смех некой сущности*⁴.

Что дает смех для разговора о настоящем? Что можно прочесть с помощью смеха, через смех; что можно прочесть, прочтя смех? Может быть, ничего и не дает. Нанси читает стихотворение Бодлера «Желание изобразить», стихотворение, ярко описывающее недостижимую яркость хохочущей женщины. Нанси вычитывает отсюда смех как иллюстрацию известного клише: *представления бесконечного желания невозможного Прекрасного как представления самого Прекрасного*⁵. Но что такое здесь смех? Помесь желания, тайны, истины, изображения возвышенного... Все это не смешно.

³ Кант И. Указ. соч. — С. 221.

⁴ Нанси Ж.-Л. Указ. соч. — С. 194.

⁵ Там же. — С. 204.

Вообще, о каком смехе идет речь? Смех разнообразен: от угрюмой усмешки до шального хохота. *То могут быть ирония, издевка, насмешка, развлечение, веселье, опьянение, нервный срыв после жесткого танца...*⁶ *Смех, вызванный щекотанием, в то же время весьма мучителен*⁷. То, из чего состоит любой смех, это *раскаты*, то есть некий дискретный ритм, от одного «ха» до бесконечной (возможно) цепи повторений. Если только найдется, конечно, бесконечный повод для смеха.

Далее. В каком ключе мы говорим о смехе? Явно не в моральном, психологическом, физиологическом, культурологическом или еще каком-нибудь логическом — искать причины смеха мы не будем. Тем более что когда за подобное дело берется философ, то выглядит он комично. *Причина сме-ха заключается, по-видимому, в сотрясении внезапно ущемлен-ных нервов, распространяющемся по всей нервной системе*⁸. Так в каком же ключе? В онтологическом? Допустим. Все-таки речь идет о присутствии.

Что можно сказать о таком смехе? Во-первых, смех *никогда ни некая сущность смеха, ни смех некой сущности*. Анализ смеха невозможен, анализировать можно только *смешное*, чем занимаются, например, фольклористы. Поэтому мой доклад заведомо разрушен, если его цель — вынуть и показать некую сущность смеха; или же разрушен сам смех, если такая сущность все же будет показана. Так что о смехе ничего сказать мы не можем. Но вопрос-то был *что смех может сказать?*

Для мысли (или для присутствия) ценно все то, что может сказать о ее пределах. Смех — явно имя для предела мысли, такое же, как *власть, желание, ничто, безумие, возвышенное, сексуальность и Бог-проститутка*. Во всяком случае, смех в тексте работает так же — *слишком отвлекает*. Для Нанси смех — тонкий хирургический инструмент, которым он вскрывает большие места тела современной Европы: присутствие, истина, философская программа,

⁶ Нанси Ж.-Л. Указ. соч. — С. 207.

⁷ Кант И. Указ. соч. — С. 211.

⁸ Там же. — С. 211.

эротико-эстетическая диа-лектика... Смех отвлекает от всего этого, превращая и фор-мы, и содержания в свою собственную окраску. Но хочется спросить Нанси: «Что ты этим хочешь сказать? То, что уже сказано? Но причем тут смех? Поменяй смех на возвышенное — ничего не изменится».

Смех, конечно, связан с возвышенным, как связан с любым «тонким» чувством или предметом. Если к смеху задать вопрос «каков?», то смех переводится в русло эстетики. Смех подобен эстетическому: смеяться — дело вкуса, смех может быть возвышенным и может быть прекрасным; значит ли все это, что смех — искусство? Нанси говорит: *смех — искусство до и после всяких искусств, искусство без искусства: модель искусства, сама вряд ли являющаяся искусством, или какой бы то ни было сущностью искусства вообще. Смех — это приход модели искусства, всех моделей искусств: и живописи, и поэзии, и музыки. Это смех их взаимной образцовости и их кругового *timesis*, которому нет конца. Он смеется над тем, что живопись раздражается звучанием, а поэзия раздражается живописью, которая, в свою очередь...*⁹

Да, смех может быть каким угодно — для смеха это несерьезно. Но смех еще более несерьезен, чем круговой *timesis*. Смех несерьезен. В каком смысле? Серьезность — это ответственность, связь одного шага с другим, смех же ни за что не отвечает, у него есть внутренняя связь, но она едва ли последовательна. Смех — это раскаты смеха, *смех раскатывается — презентирует — теряет себя*¹⁰.

Может, стоит посмотреть на саму ситуацию смеха? Когда смешно? *Когда я слышу нечто имеющее видимость умного и целесообразного отношения к чему-нибудь, но само себя полностью упраздняющее или опускающееся до мелочности, то нерв, согнутый в какую-нибудь одну сторону, стремится при этом как бы прийти в прежнее положение и начинает вибрировать; например, побиться об заклад я бы, пожалуй, и не захотел, но клятвенно заверять я готов всегда*¹¹. Проще

⁹ Нанси Ж.-Л. Указ. соч. — С. 210–211.

¹⁰ Там же. — С. 194.

говоря, смешно то, что показано внезапно — палец, например. Но здесь нужно уточнить одну вещь — показанное внезапно может вызывать не только смех, но и восхищение, удивление, икоту и, как правило, метафизический ужас.

Смех связан с внезапностью присутствия, которое застигло себя в несовпадении с собой. Карикатура присутствия. Скажем, когда присутствие хотело застать себя поутру конквистадором, а застало в портках. Смех здесь (если он есть) — признание несовпадения, впускание его в дискретности хохота, когда все контексты неважны и все структуры стронуты с места. Легкий отказ присутствия от собственности. Смех макает в хаос состояние осмеянного присутствия и дает ему возможность установиться вновь. Это не единственная возможность для присутствия, но самая легкая.

В конечном счете от смеха остается лишь абсолютная чистота его взрыва. «Сам» смех — ничто, ничто в сердцевине цветка, и ничто иное, как цветение цветка. Смех раздражается без предъявления своих причин и намерений. Он раздражается только в своем собственном повторении: что же тогда есть смех — если он есть — если не повторение? То, что он презентурует (тут может быть задействовано множество значений, все возможные и актуальные в одно и то же время), представлено не значением, а некоторым образом чисто, непосредственно — но как повторение, каковым он является. «Вспышка» смеха — это не одиночный взрыв, некий отдельный фрагмент, и не сущность взрыва: это повторение взрыва, и взрыв повторения¹². Однако все это слишком похоже на возвышенное, этим можно упрекнуть Нанси. Возможно, всему виной стихотворение Бодлера, задавшее именно такой тон. В любом случае, сквозь возвышенное смех здесь не виден. Смех здесь не что иное, как изображение возвышенного¹³. Осталась не изображенной, не высказанной, та невероятная легкость, которую обретает возвышенное в смехе.

¹¹ Кант И. Указ. соч. — С. 211.

¹² Нанси Ж.-Л. Указ. соч. — С. 206.

¹³ Там же. — С. 201.

Можно было бы сказать, что смех — это погружение в создание всего заново, что смеяться — значит смеять, сметь делать все, что смех — всеоткрытость из-за неважности всего. Но все это опять возвышенное. Может быть, смех возвышенен, но возвышенное — не смешно. Так что писать о смехе в возвышенных словах — дело напрасное. Как говорят в народе: смех без причины — признак проседания сущего.

Вот, наконец-то, проблема: смех сродни всем мощным фигурам мысли, апокалиптическим фигурам, если под апокалипсисом понимать еще достижимый, но уже предел. Как таковой, смех мог бы дать новый импульс дискурсу, тем более что лучшее из постмодерна работает именно с такими пределами. Но, несмотря на свое родство, смех отличен от наслаждения, истины, бога, возвышенного, телесности и прочего. Смех требует *le presence*. Нужно найти способ выражения отличия смеха, позволить ему присутствовать или быть настоящим. Именно смеху, а не только смешному, комическому. Текст о смехе требует еще одного апокалипсиса — апокалипсиса отношения к смеху. Текст, который *откровенно* говорит о смехе.

Это не упрек Нанси, его цели были иными. Его дело — битва против тотальности смысла. *Смех раздражается на множественной границе чувств и языка, неуверенный в чувстве, которому поднесен, — видимости цвета, осязанию рта, слышимости раската и лишенному значения смыслу собственного голоса. Смех — это радость чувств и смысла на их пределе. В этой радости чувства соприкасаются между собой и прикасаются к языку, языку во рту. Но сама эта смежность их размежевывает. Они не проникаются друг другом, нет места «искусству», тем более «тотальному» искусству. Однако же и смех не имеет места как возвышенная истина, отстраненная от самого искусства. Имеются лишь раскаты смеха¹⁴.*

Возможно, уместнее было бы назвать это не смех, а *ирония*. Ирония направлена как раз на «растождествление» тож-

¹⁴ Нанси Ж.-Л. Указ. соч. — С. 212.

дественности и расщепление тотального. Смех не имеет направления, он *слишком отвлекает*. Ему нет дела до тотальности и прочего. *Просто* смешно. Смех прост и не строит планов. Поэтому-то он и ненадежный союзник. Так что Нанси прочитывает не смех. Смех для текста — объект слишком скользкий (до щекотки). (Если бы не это, то присутствие, вместо проседающего и зияющего, могло бы быть приседающим и зевающим, а вместо книжки типа «Надзирать и наказывать», возможно, была бы «Хихикать и хулиганить».)

Вот проблема: смех как текст. На фоне всей заунывности постмодернистской иронии смех пока еще не найден. Так что пока можно смеяться без проблем. И поэтому

О, рассмейтесь, смехачи!

О, засмейтесь, смехачи!

Что смеются смехами, что смеяньствуют смеяльно, о, засмейтесь
усмеяльно!

О рассмешишь надсмеяльных — смех усмейных смехачей!

О, иссмейся рассмеяльно, смех надсмейных смеячей!

Смейво, смейво, усмей, осмей, смешики, смешики,

Смеюнчики, смеюнчики.

О, рассмейтесь, смехачи!

О, засмейтесь, смехачи!